

Н.Н. Федотова

Чехов и проблема российской идентичности*

А.П. Чехов – великий русский писатель, признанный и ценимый во всем мире. Среди русских классиков он занимает особое место. Он – русский европеец. В. Кантор показал особый смысл этого термина, его «серединное» значение в противостоянии славянофилов и западников: «Ангитезой... романтической (славянофильской и западнической) идеализации социального развития человечества нужно назвать тот реалистический и исторический взгляд на судьбу России и Запада, которому была важнее живая действительность, а не утопические упования на возможность существования где-то некоего идеального мироустройства. Выразили этот взгляд те, кого я бы назвал "русскими европейцами"», уверенными, что они уловили «суть европейской культуры, европейского духа в его целостности, в его сути, не как частную идею входящих в Европу стран (французскую, немецкую или британскую идею), а как идею всеевропейскую... В этой претензии на всеобъемлемость, на понимание центра Европы – и величие этого русского европейца... и его слабость... ибо подлинный европеизм произрастает изнутри своей культуры – но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления её почвенных основ»¹. Некоторые понимали под русским европейцем западника – человека, идеализирующего Запад и считающего последний моделью для России. Но мы будем ис-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00330 «Процессуальный характер идентичности: факторы изменения».

пользовать в качестве признака русского европейца его выше отмеченную черту быть европейски образованным русским, впитавшим русские ценности и смыслы.

Средние люди

Помимо отмеченных в статье В.Г.Федотовой особенностей срединной культуры в данном сборнике, интересным является то, что Чехов обратился к среднему человеку. Он усреднил образ России, образ русского города. О Таганроге, о котором приводится восторженное мнение его биографа, сам Чехов впоследствии писал так: «Как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески и есть даже «Трактир Расия»...» (7–19 апреля 1887 г.). По дороге на Сахалин, он в другом письме отмечает: «Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов – никаких ... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников» (Н.А.Лейкину, 7 апреля 1887 г.)². О Томске – та же тональность: «Томска описывать не буду. В России все города одинаковы. Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы»³. «Да что говорить о русских городах: у Чехова даже Рим оказывался похожим на Харьков... реальных городов в России было множество; образ русского города у Чехова был един, – отмечает его биограф М.П.Громов⁴. «Город Чехова, – считает он, – отнесен в неопределенную даль, в глухомань и захолустье потому, что представляет собой внешнее, образное выражение («материализацию») душевного застоя и нравственного захолустья; несколько упрощая проблему, можно сказать, что изображалась не «отсталая Россия», а отсталое в России, не «плохой русский город», а плохое в русском городе (бытовавшее, конечно, и в Петербурге, и в Москве) и, наконец, не «дурные люди», а дурное в людях»⁵. Было бы правильнее сказать, не дурное, а заурадное, обычное, повседневное. Чехов интересовался типичным, средним, тем слоем, который был незамеченным прежде, поскольку все писатели бросились или к большому или к маленькому человеку. Этот средний слой стал основой произ-

ведений Чехова, который сделал шаг в сторону срединной культуры избранием своего героя. Критики отмечали любовь Чехова не к большим героям, а к среднему человеку. Русский публицист Д.В. Философов показывал, что «Чехов замечал незаметных людей. Более того, он нежно любил их, как-то изнутри понимал их несложные, но сколь для них важные переживания, а главное — ничего от них не требовал. В сущности, и дядя Ваня, и Николай Алексеевич Иванов, и Треплев, и Астров, не говоря уже о сестрах Прозоровых, подполковнике Вершинине и т. д. — самые серые, незаметные люди. До Чехова их как бы не существовало. Их никто не замечал. Они скорбели, страдали, радовались, влюблялись в каком-то коллективном одиночестве, были тварью, совокупно стекаящею. Пришел Чехов, заметил их и как-то утвердил. Маленьких людей видели, конечно, и Толстой, и Достоевский. Но их маленькие люди почему-то выходили всегда великанами. Простой мужик Каратаев, под стать, по крайней мере, Конфуцию, а гвардейский офицер князь Болконский — сродни Шопенгауэру. ... У Чехова... они никогда не ведут “умных” разговоров... Достоевский лелеял русских мальчиков, которые по трактирам “о Боге спорят”. Толстой учит, как перехитрить зло, бороться с ним непротивлением. “Мальчики” Чехова никогда не говорят о Боге и вообще мало говорят. Им все как-то некогда, жизнь заела. То почту возить надо, то в “Славянском Базаре” котлеты подавать, то детей кормить. Бороться со злом, даже по новому, усовершенствованному, толстовскому способу, они и не думают. “Не до жиру, быть бы живу”. Ведь самый факт жизни для них уже геройство. Они все какие-то поджюшенные, с червоточиной»⁶.

В. Катаев сильнее подчеркнул внимание Чехова именно к среднему человеку, «“Средний” человек литературы 80-х годов — особый феномен, отличный от “маленького человека” предшествующей литературы. Как ни различалась трактовка этого типа Гоголем, писателями “натуральной школы”, Достоевским, “маленький человек” — это всегда тот, к кому писатель хочет привлечь внимание своих читателей, обычно о нем не думающих; это объект, который должен быть з а м е ч е н, извлечен из низов и с задворок “большой” жизни. “Средний” человек в литературе второй половины 80-х годов, в том числе и в “серьезных этюдах” Чехова, — объект уже отнюдь не экзотический. Обыденная жизнь, которой он живет,

признается авторами единственной действительностью и единственным заслуживающим внимания объектом изображения»⁷. Катаев подчеркивает, что особенностью 80-х годов было то, что категории обыденности, повседневности, будничности были определены как основные и единственные сферы бытия героев, в отличие от традиционной для прежней литературы трактовки быта как противостоящего идеалам героя: «Врач, инженер, учитель, адвокат, студент, офицер, статистик, землец (а также и помещик, и крестьянин, и чиновник, и священник, но показанные иначе, чем в предшествующие десятилетия) — герои литературы 80-х годов в новой, стремительно складывающейся действительности *капитализирующейся России* (курсив наш. — Н.Ф.), становящейся на промышленные, городские рельсы. “Средний” человек понимается в этих произведениях как представитель *новой массы* (курсив наш. — Н.Ф.), как всякий человек. И такое понимание Чехов разделяет с писателями из своего литературного окружения»⁸. Разночинцы, показываемые Достоевским как неукорененные, нервные, часто революционные, а Тургеневым в лице Базарова как жестко позитивистские, готовые мир разрушить и заново отстроить, болезненно входящие в отвергающее их или с любопытством наблюдающее за ними общество, у Чехова становятся социальной средой капитализирующейся России и характеристикой ее новой идентичности. Фон Корен в его «Дуэли» — дань неприязни Чехова к тем, кто ненавидит среднего человека, презирает его и делает жертвой своего деспотизма, как бы слаб и ничтожен ни был этот средний человек.

Еще более эту срединность Чехова подчеркивает Д.С.Мережковский: «Чехов и Горький выразители не столько народной, сколько сословной, не столько культурной, сколько интеллигентной середины русского среднего сословия, самого многочисленного и деятельного...»⁹.

Эта особенность проявляется не только в произведениях Чехова, но и в его письмах: Чехов «весь вышел из этой веры в человека, из этой влюбленности в человеческое лицо.... Чехов смотрел на человека, как смотрел на него Кант, т. е., как на цель в себе, а не как на средство»¹⁰. Для Чехова важны были «бережная любовь к жизни, к каждой отдельной личности, к “обыкновенному человеку”»¹¹. Это гуманизм, который был давно известен в Европе, но в России проявился в новой форме.

рост, раскрыть и обнаружить свою идеальную природу, следовательно, ставится коренная и великая проблема метафизического и религиозного сознания – загадка о человеке. Настроение Чехова должно быть поэтому определено как мировая скорбь в полном смысле этого слова, и, наряду с Байроном и другими, Чехов является поэтом мировой скорби¹³.

Соглашаясь с Булгаковым, отмечу еще одну как русскую, так и европейскую, и всемирную черту Чехова – открытие слома российской идентичности, по существу потери смысла себя в условиях кардинальных перемен – перехода к капитализму, смену сословности на массовость, уменьшение значимости прежнего раско культуры на европейски-дворянскую и народно-патриархальную. Чехов открыл идентичность как процесс.

Главная беда времени – потеря смысла, переделка ценностей и анония – их деструкция и распад. Кризис идентичности особенно ярко обобщены в «Скудной истории»: «...в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного», «того, что называется общими идеями или богом живого человека». «А если нет этого, то значит, и ничего». Театральный критик Т.К. Шах-Азизова пишет очень психологически и социально-философски точно: «Истинное объяснение образа Иванова складывается постепенно, из всего чеховского творчества 80–90-х годов в целом. Тогда и вырастает во всем своем объеме драма поколения, лишенного прежней веры и тоскующего новой... В гамлетовскую ситуацию введен гамлетовского типа герой-интеллигент, на разломе эпох остановившийся поразмыслить, мучающийся вопросами бытия ("...кто я, зачем живу, чего хочу?")... Иван при всей беспощадности своего анализа, мыслит не глобально, как Гамлет, а в пределах, очерченных повседневностью. "Мировой скорби" также нет в нем – скорбит и негодует он в основном о своей судьбе»¹⁴. Она впервые обращается к теме идентичности у Чехова, и вопросы «кто я, зачем живу, чего хочу?», это – гамлетовские вопросы об идентичности, ставшие главным вопросом масс.

В работах Чехова показана «эпопея человеческой нелепости». Именно – всечеловеческой, а не только русской, пусть и носит определенные родные названия, пусть и гласит у него в записной книжке один набросок: «Торжок. Заседание думы. О поднятии средств городских. Решение: пригласи папу римского перебраться в Торжок – избрать его резиденцией»... Глупость международная

В письме Д.В.Григоровичу Чехов пишет: «В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человеку нет сил ориентироваться...»¹⁶.

Рассмотренная нами смена идентичности России эпохи Чехова и отображение этих изменений в его творчестве и письмах дает важные культурные свидетельства смены идентичности в конце XIX в. в России, показывает ее процессуальный характер и вхождение ее изменений в число важных черт социальных трансформаций.

Примечания

- ¹ Кантор В.К. Русский европеец как задача России // Русская мысль. № 4279. 22 июля 1999; № 4280. 29 июля 1999.
- ² Грамов М.П. Книга о Чехове. М., 1989. <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z00000021/st020.shtml>
- ³ Чехов – А.С.Суворину, 20 мая 1890, г. Томск // Переписка А.П.Чехова: В 2 т. Т. 1. М., 1984. Вступ. ст. М.П.Громова; Сост. и коммент. М.П.Громова, А.М.Долотовой, В.В.Катаева http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0350.shtml
- ⁴ Грамов М.П. Указ. соч. <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z00000021/st020.shtml>
- ⁵ Там же.
- ⁶ Философов Д.В. Липовый чай. (К пятилетней годовщине со дня смерти А.П.Чехова). 1910 – http://az.lib.ru/f/filosofow_d_w/text_0080.shtml
- ⁷ Катаев В.Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / Под ред. В.Б.Катаева. М., 1982. – http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0370.shtml
- ⁸ Там же.
- ⁹ Мережковский Д. С. Чехов и Горький // Максим Горький: Pro et Contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю.В.Зобнина. СПб., 1997. – http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0180.shtml
- ¹⁰ Квинт С. О письмах Чехова // А.П.Чехов: Pro et contra / Сост., общ. ред. И.Н.Сухих. СПб., 2002. – http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0540.shtml
- ¹¹ Там же.
- ¹² Мережковский Д.С. Указ. соч.
- ¹³ Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель // А.П.Чехов: Pro et Contra / http://az.lib.ru/b/bulgakow_s_n/text_0030.shtml
- ¹⁴ Шах-Азизова Т.К. Русский Гамлет // Чехов и его время. М., 1977 http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0280.shtml
- ¹⁵ Айхенвальд Ю.И. Чехов. // Силуэты русских писателей. Вып. 1. М., 1906–1910; 2-е изд. М., 1908–1913. – http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0110.shtml
- ¹⁶ Чехов – Д.В.Григоровичу, 5 февраля 1888 г., Москва // Переписка А.П.Чехова. Т. 1 http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0350.shtml